

СЛОВО и РѢЧИ,

сказанныя при погребеніи бывшаго профессора Киевской Духовной Академіи и Киевскаго городского головы С. М. Сольскаго.

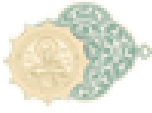
I.

Слово, сказанное на заупокойной литургіи священникомъ Михаиломъ Едлинскимъ.

*Подвизомъ добрымъ подвизахся, теченіе
скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблю-
дается мнѣ вѣнецъ правды, еюже воздастъ
ми Господь въ день онъ, праведный Судія
(2 Тим. 4, 7).*

Возлюбленные о Христѣ братіе и сестры! Нынѣ въ здѣшнемъ академическомъ Братскомъ храмѣ совершается рѣдкое по своей трогательности и умиленности печальное торжество: сонмомъ архипастырей и пастырей творится молитвенное поминовеніе души преставльшагося раба Божія боярина Стефана, бывшаго профессора Академіи и городского головы Кіева. Глубокое сочувствіе братской академической семьи и гражданъ г. Кіева къ почившему въ Бозѣ собрату во Христѣ собрало въ сей храмъ множество молящихся людей всякаго званія и чина. Гдѣ же причина такого всеобщаго сочувствія къ почившему, гдѣ

источникъ того неподдѣльнаго горя, которое одинаково испытываютъ какъ близкія и родныя лица, такъ и дальнія и знаемыя? Что собрало въ сей храмъ для теплаго молитвеннаго вопля о почившемъ столько лицъ всѣхъ возрастовъ и состояній? Не ошибемся, если скажемъ,—рѣдкія въ наше время христіанскія качества его души, привлекавшія къ нему сердца людей и знатныхъ и простыхъ, взрослыхъ и дѣтей. Какъ духовникъ почившаго и его бывший ученикъ, я съ радостію спѣшу отмѣтить, что первую и выдающуюся чертою его христіанскаго настроенія была глубокая вѣра и любовь къ св. Церкви. Онъ былъ такимъ истиннымъ христіаниномъ, о которомъ безъ колебанія можно сказать: „подвигомъ добрымъ подвизался, вѣру соблюлъ“. Глубоко вѣрующій въ непрестающее попеченіе о насъ Промысла Божія, онъ всецѣло ввѣрялъ себя этому благому попеченію. Въ простотѣ безхитростнаго, почти дѣтскаго сердца, онъ отдавался весь водительство Божію въ разныхъ обстоятельствахъ своей многотрудной и многоскорбной жизни. Болѣлъ ли кто изъ членовъ его семьи, неудача ли какая постигала его въ дѣлахъ общественныхъ, огорченія ли и непріятности какія встрѣчались на тернистомъ пути его жизни и общественной дѣятельности, онъ не падалъ духомъ, не приходилъ въ уныніе и тоску, а спѣшилъ скорѣе излить свои скорбныя мысли и чувства въ горячей молитвѣ къ Богу. А любовь почившаго къ своей приходской Борисоглѣбской церкви, усердное посѣщеніе имъ церковныхъ службъ, а иногда и дѣятельное участіе въ нихъ— не свидѣтельствуетъ ли все это о силѣ живой вѣры и христіанскаго упованія почившаго? Мнѣ лично и всѣмъ прихожанамъ нашего храма почившій доставлялъ высокое духовное утѣшеніе, когда, не взирая на свое

положеніе и старческіе годы, въ первую седмицу великаго поста становился въ ряду чтецовъ на клиросѣ и прочитывалъ Великое повечеріе своимъ звонкимъ, отчетливымъ и глубоко прочувствованнымъ голосомъ. Поистинѣ, это былъ праздникъ для нашихъ прихожанъ и въ то же время великое назиданіе для нихъ. Самое говѣніе на первой седмицѣ великаго поста было временемъ особеннаго подъема религіозной настроенности почившаго, когда онъ, проводя большую часть дня въ церкви, старался по возможности отрѣшиться отъ всѣхъ обычныхъ общественныхъ занятій, всецѣло отдаваясь молитвѣ, посту и богомыслію. Любя стройное и благолѣпное пѣніе, онъ не мало жертвовалъ отъ своихъ щедротъ и на содержаніе церковнаго хора. Живо интересуясь всѣмъ, что относится къ пользѣ и нуждамъ приходскаго храма, онъ принималъ также близкое участіе во всѣхъ братскихъ собраніяхъ прихожанъ, входилъ во всестороннее обсужденіе разныхъ поднимавшихся на нихъ вопросовъ и своимъ умѣлымъ, опытнымъ совѣтомъ, а особенно живою отзывчивостію къ матеріальнымъ пожертвованіямъ, содѣйствовалъ благопріятному рѣшенію таковыхъ. Особенно живо занималъ его въ послѣднее время вопросъ о расширеніи храма устройствомъ новаго придѣла въ немъ, на каковой предметъ онъ внесъ уже и усиленную лепту свою,—много и не разъ бесѣдовалъ онъ о наилучшемъ осуществленіи предполагаемаго расширения какъ со мною, такъ и со многими другими лицами. Это дѣло было, такъ сказать, душою нашихъ послѣднихъ бесѣдъ и совѣщаній съ почившимъ. Какъ намъ извѣстно, онъ словесно обращался къ нѣкоторымъ имущественнымъ лицамъ съ просьбою о воспомоществованіи на устройство храма и душевно радовался при всякой благой вѣсти относительно

удачи своихъ переговоровъ. И не только свой приходскій храмъ, но и другіе храмы г. Кіева, въ томъ числѣ недавно построенный на Соломенкѣ въ память почившаго митрополита Платона, были предметомъ его особенныхъ заботъ и попеченій: благодаря его инициативѣ и ходатайству, послѣдній храмъ получилъ значительную субсидію отъ одной благотворительницы г. Кіева.

Вѣмъ твоя дѣла и любовь, и службу, и вѣру, и терпѣніе твое (Откр. Іоан. II, 19), писалъ нѣкогда Тайновидецъ ангелу Фіатирской церкви, изображая его жизнь. Не то же ли можно сказать намъ и о почившемъ въ Бозѣ бояринѣ Стефанѣ? Знаемъ вѣру и служеніе твое, знаемъ и дѣла, и любовь и терпѣніе твое. Не перечислить намъ въ семъ краткомъ словѣ разнообразныхъ дѣлъ твоихъ, какъ добрый плодъ твоего вѣрующаго ума и любящаго сердца. Не можемъ однако умолчать объ одномъ весьма близкомъ и намъ проявленіи твоей любви къ Богу и людямъ—это работа о школьномъ просвѣщеніи народа и прежде всего его бѣднѣйшихъ классовъ. Дороги и близки были сердцу почившаго кіевскія начальныя школы—городскія и ц.-приходскія, а также разнаго наименованія дѣтскіе пріюты и учрежденія. Съ одинаковымъ вниманіемъ и уваженіемъ относился онъ ко всѣмъ имъ, видя въ возможно болѣе широкомъ распространеніи и процвѣтаніи ихъ залогъ лучшаго будущаго г. Кіева. „Въ дѣтяхъ, въ юномъ поколѣніи—вотъ гдѣ надежда и опора нашего города“,—не разъ говорилъ онъ въ личной бесѣдѣ съ нами. Понятно, поэтому, отчего онъ всегда такъ ратовалъ за дѣло народнаго образованія безразлично къ тому, въ какомъ бы вѣдомствѣ школы ни находились. Какъ истинный сынъ Церкви, бывший питомецъ духовной школы и профес-

соръ высшаго разсадника духовной науки—здѣшней Академіи, покойный поддерживалъ всегда въ городскомъ управленіи интересы Кіевскихъ ц.-приходскихъ школъ, столь нуждающихся въ матеріальной поддержкѣ со стороны города. Скажу и о своей приходской школѣ: первымъ своимъ возникновеніемъ и дальнѣйшимъ существованіемъ она много обязана почившему, отзывчивому на все доброе и истинно прекрасное. Не мало потрудился онъ при самомъ построеніи ея, но еще болѣе при обеспеченіи ея средствами содержанія. Была близка почившему забота и о ремесленномъ школьномъ образованіи, какъ единственномъ вѣрномъ пути къ обеспеченію дѣтей неимущаго класса пригодными для жизни практическими знаніями. Въ теченіе почти 30-лѣтняго служенія почившаго г. Кіеву много призвано къ жизни учебныхъ заведеній низшихъ, среднихъ и даже высшихъ: съ живою готовностію почившій шелъ всегда на встрѣчу ко всякому почину въ дѣлѣ основанія новыхъ учебныхъ заведеній.

Чувствуютъ тяжелую утрату въ лицѣ усопшаго и всѣ тѣ многочисленныя учрежденія г. Кіева—больницы, богадѣльни, и др., въ жизни и правильной дѣятельности которыхъ покойный всегда принималъ самое живое и близкое участіе. Можно съ увѣренностію сказать, что въ послѣднія два десятилѣтія покойный всецѣло посвящалъ свои силы и досугъ городскому управленію: жилъ не для себя и даже близкихъ ему родственниковъ лицъ, но для города и его разнообразныхъ учреждений. Мы не ошибемся, если скажемъ, что тяжелый недугъ, надломившій его здоровье и ускорившій самую кончину,—былъ вызванъ непосильнымъ трудомъ до изнеможенія и усталости на засѣданіяхъ и разнаго рода занятіяхъ по город-

скому управленію. На ряду съ рѣдкимъ трудолюбіемъ до самопожертвованія невольно выдаются и другія высоко-симпатичныя черты его характера—его полное безкорыстіе: по слову Апостола, онъ искалъ выгодъ „не своихъ, а ближнихъ своихъ“,—его истинно-христіанская кротость и незлобіе: онъ терпѣливо переносилъ всѣ обиды и огорченія, лично ему наносимыя,—его рѣдкая благорасположенность ко всѣмъ, простота и доступность, столь привлекавшія къ нему сердца всѣхъ знавшихъ его и имѣвшихъ съ нимъ дѣла. Миръ со всѣми и любовь ко всѣмъ, при мягкости и незлобіи его нрава, дѣлали личность его особенно обаятельною и вносили въ окружавшую его среду тѣ же чувства христіанскаго всепрощенія и любви. Поистинѣ онъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ Христова ученія и своею выдающеюся дѣятельностію на пользу христіанскаго міра заслужилъ наименованіе „сына Божія“. „Блаженни миротворцы; яко тии сынове Божии нарекутся“ (Мѡ. 5—9). Говорить ли о томъ, какимъ онъ былъ рѣдкимъ и любящимъ дѣтей отцомъ, нѣжнымъ супругомъ, распорядительнымъ домоправителемъ, радушнымъ и гостепріимнымъ, ласковымъ и привѣтливымъ хозяиномъ,—всѣ эти и многія другія высоко-симпатичныя черты суть плодъ главной добродѣтели—глубокой вѣры, нелицемѣрной любви и христіанскаго упованія почившаго.

Прости, мое возлюбленное духовное чадо и мой незабвенный бывшій наставникъ, что я своимъ слабымъ и немощнымъ словомъ дерзнулъ соплестъ тебѣ вѣнецъ хвалы за твою истинно-христіанскую жизнь и кончину. Послѣдняя была такою же, какъ и вся жизнь твоя. Ты умеръ въ тѣсномъ и живомъ общеніи со Христомъ Спасителемъ нашимъ въ воспринятыхъ тобою незадолго до смерти Св. Тайнахъ Христовыхъ.

Прочее соблюдается тебѣ вънецъ правды, егоже воздастъ тебѣ Господь Богъ за твою христіанскую жизнь въ день онъ, въ день судный. Вѣруемъ, что Нелицепріятный Судія всѣхъ Господь милостивно призритъ на вѣру и дѣянія усопшаго раба Своего Стефана и предстательствомъ Царицы Небесной, Небесныхъ Воинствъ Архистратига Михаила, Предтечи Спасова Іоанна, св. архидіакона Стефана и всѣхъ святыхъ угодниковъ упокоитъ душу его въ селеніяхъ праведныхъ. Дабы прехожденіе усопшаго къ Подателю свѣтовъ, въ Троицѣ славимому, Богу было безпрепятственнымъ, вознесемъ всѣ здѣ собравшіеся у гроба почившаго—ближніе и дальніе—горячую мольбу ко Господу о прощеніи вольныхъ и невольныхъ его грѣховъ и причисленіи къ лику праведныхъ. Вмѣстѣ съ нами да вознесутся теплыя мольбы къ Престолу Всевышняго объ упокоеніи души скончавшагося изъ чистаго дѣтскаго сердца собравшихся здѣсь во множествѣ питомцевъ разныхъ школъ, которыхъ такъ любилъ почившій. Упокой, Господи, душу новопредаваемаго раба Твоего Стефана въ селеніяхъ праведныхъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная. Аминь.

II.

Рѣчь, сказанная предъ погребеніемъ С. М. Сольскаго, профессоромъ Академіи В. Пѣвницкимъ.

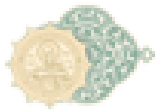
Господу Богу въ послѣднее время угодно часто посѣщать насъ скорбными испытаніями. По неисповѣдимымъ судьбамъ Его изъемяются изъ среды насъ, живущихъ, лучшіе, по истинѣ сказать, праведные

мужи, всецѣло преданные долгу, на нихъ возложенному и съ великою честію совершавшіе свое служеніе. Еще не успѣли мы оплакать кончину первосвященителя нашей церкви, такую крѣпкою и мудрою рукою ведшаго насъ путемъ спасенія. Въ слѣдъ за нимъ воззванъ въ обители небесныя не одинъ изъ подчиненныхъ ему чтимыхъ пастырей нашихъ¹⁾. Въ недавніе дни далекая могила сокрыла останки достойнѣйшаго представителя сроднаго намъ учрежденія, всего себя посвятившаго воспитанію духовнаго юношества, и не задолго до своей кончины принявшаго на себя бремя особенно труднаго служенія въ своемъ заведеніи²⁾. А нынѣ мы видимъ во гробѣ мужа, еще недавно бодрого и неутомимо дѣятельнаго, бывшаго много лѣтъ рабочимъ, а потомъ почетнымъ членомъ нашей ученой семьи, довѣріемъ и избраніемъ общества поставленнаго во главѣ городского управленія и до послѣднихъ силъ заботившагося о пользахъ города.

Что знаменуетъ это мановеніе Десницы Божіей, восхищающее отъ земли живыхъ избранныхъ нашихъ? Не есть ли это знаменіе гнѣва Божія на насъ? Или это предостерегающее вразумленіе намъ, растворяющее гнѣвъ милостію? Не потому ли Богъ воззываетъ къ себѣ отъ насъ лучшихъ мужей нашихъ, что мы не умѣемъ дорожить ими? Не потому ли, что *праведенъ мужъ и непороченъ* бываетъ у насъ въ поношеніи (Іов. XII, 4)? Или потому переселяетъ Онъ отъ насъ въ вѣчныя обители созрѣвшихъ для царствія Божія, чтобы намъ, безопаснымъ, ведущимъ разсѣянную жизнь

¹⁾ Протоіереи: Троцкій, Флоринскій, Успенскій.

²⁾ Инспектора Кіевской семинаріи С. В. Кохомскаго, скончавшагося въ Ялтѣ 20 октября 1900 года.

и мало думающимъ о единомъ на потребу, дать внушительный урокъ подумать о своемъ положеніи? И намъ,—намъ всѣмъ предлежитъ тотъ же путь, въ какой вступилъ почившій собратъ нашъ. Готовы ли мы безбоязненно вступить на него, въ ожиданіи страшнаго суда Божія? Милосердіе Божіе даетъ намъ время для достойнаго приготовленія къ срътенію того послѣдняго дня, въ который мы переселимся или на небо, или во адъ. Внимательнымъ духомъ приникнемъ къ грозному прещенію перста Божія. Пока есть у насъ время дѣлати, будемъ дѣлать во свѣтѣ дѣла Божіи: они одни могутъ открыть намъ путь къ обителямъ, уготованнымъ намъ нашимъ Господомъ и Спасителемъ.

Намъ оставлено время дѣлати...

А почившій собратъ нашъ уже совершилъ теченіе свое, исполнилъ урокъ, ему назначенный. Для него миновало время заботъ, безпокойствъ, скорбей и тревоженій. Въ смерти онъ нашелъ покой, какого не давала ему земная много хлопотливая жизнь, и *во гробъ* вошелъ онъ, *якоже пшеница созрѣлая, во время пожатая, или якоже стогъ гумна, во время свезенный* (Іов. V, 26), и *память его* всегда будетъ у насъ въ *благословеніяхъ*: ею мы можемъ утѣшать себя, и изъ нея будемъ извлекать назиданіе для себя.

Мы помнимъ его еще юнымъ питомцемъ нашимъ. Между его сверстниками не было другого, болѣе его преданнаго своему дѣлу, и болѣе вѣрнаго и тщательнаго исполнителя всѣхъ требованій школы. Его прилежаніе, его всецѣлая преданность своему дѣлу выдвинула его изъ ряда его товарищей, и эту всецѣлую преданность своему долгу онъ вынесъ изъ школы въ жизнь, и ею возвышалъ свои достоинства и вездѣ снискивалъ себѣ уваженіе.

Далѣе, болѣе трехъ десятилѣтій онъ раздѣлялъ съ нами не легкіе труды на нивѣ, нами воздѣлываемой, и выполнялъ свое служеніе съ тѣмъ же неослабнымъ усердіемъ, какое отличало его въ годы его воспитанія. На его долю досталось, ему поручено было разъяснять нашимъ питомцамъ евангельское ученіе Господа Іисуса Христа и богодухновенныя писанія святыхъ апостоловъ. Занятый изученіемъ и толкованіемъ чистѣйшаго слова божественнаго, выраженнаго языкомъ человѣческимъ, онъ развилъ и укрѣпилъ въ себѣ духъ вѣры и упованія на Бога. Глаголы живота вѣчнаго, которыми исполнялась душа его, отражались въ его христіанской жизни, и близъ его чувствовалось нѣкое благоуханіе святыни всѣми, кому даровано было проникать въ сокровенныя тайники души его.

Любя священный трудъ, на него возложенный, всецѣло преданный учрежденію, его воспитавшему и принявшему его въ число своихъ дѣлателей, онъ никогда не желалъ оставлять его. Но призванный до вѣріемъ и избраніемъ общества на другое поприще дѣятельности, онъ находилъ затрудненіе въ совмѣщеніи двухъ разнородныхъ занятій. Чтобы всего себя отдать городу, почтившему его высокимъ избраніемъ, онъ нашелъ себя вынужденнымъ оставить любимое имъ учрежденіе, и оставлялъ его съ глубокою скорбію, съ горькими слезами.

Каковъ онъ былъ и какъ работалъ на новомъ, открытомъ для него, поприщѣ дѣятельности,—не намъ и не здѣсь говорить объ этомъ. Объ этомъ лучше насъ возвѣстятъ люди, вмѣстѣ съ нимъ раздѣлявшіе служеніе нашему городу. Но мы не можемъ умолчать о томъ, о чемъ гласить стоустая молва людская, о чемъ слышится открытый громкій голосъ

на всѣхъ стогнахъ нашего города. Съ утра до вечера трудился онъ, и не искалъ отдохновенія, и этимъ непрерывнымъ трудомъ изнурялъ себя. Заботы о домѣ, о присныхъ своихъ оставлялъ онъ, чтобы съ должнымъ раченіемъ выполнять трудное дѣло, къ которому его приставили. Чуждый всякихъ пристрастій, онъ шелъ прямымъ путемъ въ своемъ служеніи, одушевляемый однимъ сознаніемъ долга и стремленіемъ принести, по мѣрѣ силъ, возможную пользу городу, его почтившему. Духъ партій, враждовавшихъ вокругъ его, не могъ склонить его ни на шее, ни на десное, съ пути чести, по которому шелъ достойнѣйшій изъ избранниковъ вашихъ. Руки его не повинны въ корысти, и нѣтъ человѣка, который бы дерзнулъ заподозрить его безпримѣрную честность. Если бы нынѣ возсталъ онъ изъ гроба, и подобно Самуилу, сказалъ всѣмъ намъ: *се азъ, ходихъ предъ вами много лѣтъ даже до днешняго дне: се азъ, отвѣщайте на мя предъ Господемъ и предъ Христомъ его, еда у кого телца взяхъ, или ося, или кого отъ васъ насилствовахъ, или кого утѣснихъ, или отъ руки нѣкоего пріяхъ лзду? Извѣщайте на мя* (1 Цар. XII, 3),—мы увѣрены, всѣ общимъ голосомъ отвѣчали бы ему: *не обидѣлъ еси насъ, ниже насилствовалъ еси намъ, ниже утѣснилъ еси насъ, ниже взялъ еси отъ руки чіея что* (1 Цар. XII, 11).

Къ вамъ теперь мое слово, присные почившаго, дорогіе ему и, не обинуясь скажу, дорогіе и близкіе и мнѣ. Для васъ горче, тяжелѣе всѣхъ утрата, причиненная вамъ нежданною кончиною почившаго. Вы лишились того, съ кѣмъ связаны были союзомъ неразрывной попечительной любви, кто былъ вашею опорою и утѣшеніемъ, и кто для васъ, для вашего обезпеченія, несъ тяжелое бремя труда, подрывавша-

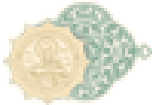
го его силы. Всю душу свою желалъ бы я излить предъ вами, чтобы облегчить скорбь, подавляющую васъ. Но чувствую, что слово человѣческое безсильно залѣчить рану, причиненную вамъ отшествіемъ отъ васъ отца-кормителя. Одинъ Господь утѣшитъ васъ: къ Нему обратитесь, у Него просите утѣшенія.

Не скорбите объ умершемъ (1 Сол. IV, 13). Вы знаете и вѣрите, что изъ здѣшней многмятежной юдоли онъ переселился въ мѣсто злачное и покойное, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Если что смущаетъ нынѣ духъ его, витающій надъ нами, то это скорбь, гнетущая сердца ваши, и онъ молитвенно будетъ просить у Господа, да ниспослетъ Онъ вамъ благодатныя утѣшенія свыше.

Расторгнуть видимый союзъ вашъ. Но вамъ дана возможность не прерывать союза невидимаго. Этотъ союзъ первѣе всего поддерживается молитвою. Вы будете молиться объ упокоеніи души его, и эта молитва ваша дастъ его душѣ почувствовать сладость любви вашей. А самъ онъ будетъ незримо призирать на васъ съ высоты небесъ, и не лишенный дара молитвы за гробомъ, ею будетъ призывать на васъ благоволеніе Божіе.

Съ вами остался чистый образъ его, и свѣтлыя воспоминанія о его жизни и его заботахъ о васъ,—и они могутъ вливать немалую долю утѣшенія въ чашу горестей, вами испиваемую...

Ищу у гроба доблюю жену почившаго, отнынѣ вдовствующую... Но жгучее горе до того сокрушило ее, что она, поверженная на одрѣ болѣзни, не имѣетъ силъ проводить въ могилу возлюбленнаго своего. Полагаю, всѣмъ и вчужѣ понятна вся тяжесть печали, ее подавляющей. Почившій супругъ ея былъ для нея великимъ даромъ Божіимъ. Никакое облако не омра-

чало ихъ взаимныхъ отношеній. Въ невозмутимомъ мирѣ и покоѣ, въ самоотверженной преданности другъ другу, въ любви, возраставшей съ годами, они проводили дни свои, и кто зналъ ихъ семейную жизнь, видѣлъ въ ней достойный образецъ для другихъ супружествъ. Доблая жена была утѣшеніемъ для мужа, и *лѣта его исполняла миромъ* (Сир. XXVI, 2), и когда отъ тяжелыхъ трудовъ и волненій, неизбѣжныхъ въ сутолокѣ житейской, онъ, удрученный, возвращался домой, въ ней онъ находилъ отраду и успокоеніе, и она своею любовію возстановляла нарушенный покой его. За то и онъ окружалъ и лелѣялъ ее своими попеченіями, и въ предсмертные дни ни о комъ такъ не беспокоился, какъ о ней, о ней одной.

А вы, возлюбленные чада почившаго родителя, такъ много заботившагося и печаловавшаго о васъ во дни жизни своей! Вамъ не собралъ и не оставляетъ онъ обильнаго вещественнаго наслѣдія. Но вы получаете отъ него богатое наслѣдіе духовное, которое дороже гибнущаго наслѣдія вещественнаго. Это духовное наслѣдіе—тѣ святыя завѣты, которые онъ хранилъ въ своемъ сердцѣ, и которые желалъ онъ передать вамъ, какъ драгоцѣнное сокровище, способствующее миру и счастію на землѣ и спасенію на небѣ. Возгрѣвайте въ сердцѣ своемъ вѣру въ Бога и предавайте судьбу свою въ руки всеблагаго Промыслителя. Будьте такъ же преданы своему долгу на томъ поприщѣ, на которомъ поставилъ или поставитъ васъ всеблагій Промыслитель,—какъ преданъ былъ своему долгу вашъ родитель. Будьте такъ же честны, какъ былъ честенъ онъ, и Господь направитъ стопы ваши на пути правы, ведущіе къ искомому вами благу, и благословеніе отца, который будетъ призирать

на васъ съ высоты небесъ, благоустроить и утвердить дома ваши. Аминь.

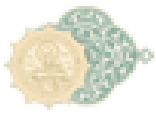
III.

Рѣчь, сказанная при погребеніи С. М. Сольскаго послѣ пѣнія церковной пѣсни „Со святыми упокой“... доцентомъ академіи Д. Богдашевскимъ.

Приснопамятный Стефанъ Михайловичъ!

Да будетъ позволено и твоему всегда благодарному ученику и скромному преемнику по занимаемой тобою академической кафедрѣ сказать нѣсколько словъ у твоего гроба, повергшаго всѣхъ насъ въ тяжкую скорбь и печаль.

Въ своей личности, ты показываешь намъ рѣдкій примѣръ гармоническаго сочетанія стремленій чисто научныхъ, теоретическихъ и стремленій жизненно-практическихъ: ты былъ виднымъ представителемъ академической науки, ревностнымъ служителемъ ея, и въ то же время—выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, заслуги котораго всѣмъ извѣстны, всѣмъ памяты и навсегда останутся незабвенными. Это гармоническое сочетаніе науки и жизни, теоріи и практики въ одинъ цѣльный, нераздѣльный образъ—даръ рѣдкій, немногимъ принадлежащій, и ты имъ всецѣло обязанъ своей необыкновенно богатой, многосторонней, въ высшей степени одаренной и энергичной натурѣ, всегда ищущей труда и дѣятельности и никогда не смущаемой тѣми препятствіями, которыя, при напряженіи всѣхъ духовныхъ силъ, необходимо преодолѣть. Ты фактически намъ доказывалъ, что наука и жизнь—это двѣ области различ-

ныя, по тѣснѣйшимъ образомъ связанныя между собою, всегда соприкасающіяся одна съ другою и воздѣйствующія одна на другую. Твой живой образъ, дорогой всѣмъ намъ. Стефанъ Михайловичъ, въ которомъ гармонически сочетались знаніе и жизнь, критическій и практическій моменты, взаимно другъ друга восполняя и провѣряя, да будетъ всегда намъ памятенъ!

Болѣе тридцати лѣтъ ты углублялся всею своею мыслью въ изученіе божественныхъ Писаній, въ уразумѣніе великой „тайны Христовой“ (Ефес. 3, 4), въ изслѣдованіе неизмѣримаго богатства Христова (Ефес. 3, 8). Сколько труда, энергіи и настойчивости, какого высокаго напряженія умственныхъ силъ требовало это дѣло,—при широтѣ и многосторонности самого изслѣдуемаго предмета, при необыкновенной сложности задачъ, предъявляемыхъ теперь нашей наукѣ, при безконечномъ разнообразіи въ ней научныхъ теченій, часто совершенно противоположныхъ, взаимно другъ друга исключаящихъ и не одинъ разъ находящихся въ рѣшительно враждебномъ отношеніи къ христіанству. И ты твердо, какъ добрый воинъ Христовъ (2 Тим. 2, 3), стоялъ на стражѣ вѣры и Церкви; твой богатый духовный свѣтильникъ горѣлъ и не угасалъ; всякое анти-христіанское направленіе западной мысли встрѣчало въ тебѣ рѣшительнѣйшаго противника, мужественнаго борца за вѣчную, неизмѣнную Христову истину, и твоя защита христіанства, преимущественно чудеснаго въ немъ элемента, въ наукѣ хорошо извѣстна. А кто, воспоминается намъ, такъ живо и увлекательно, съ такою любовью къ церкви православной начерталъ намъ исторію постепеннаго распространенія у насъ слова Божія? Кто такъ вѣрно понялъ и освѣтилъ для насъ русскую православную душу,—

душу вѣрующую, искреннюю, всегда тяготящую къ Библии?... Церковное преданіе, церковное пониманіе,— пониманіе вселенское—вотъ тотъ неизмѣнный, вѣрнѣйшій, надежный руководитель, которому ты всегда слѣдовалъ въ разработкѣ своей науки. И лилось твое слово обильнымъ потокомъ и въ академической аудитории и съ церковной академической кафедры,—слово живое, горячее, увлекательное,—слово, проникнутое глубокимъ убѣжденіемъ, основанное на широкомъ знаніи и богатомъ духовномъ опытѣ. Этого живого слова не забудутъ никогда твои слушатели и всегда останутся благодарными за тѣ мысли и чувства, тѣ высокіе умственные порывы и запросы, которые ты въ нихъ будилъ. Время, когда выступилъ покойный Стефанъ Михайловичъ на свою ученую профессорскую дѣятельность, было временемъ особенно сильнаго анти-христіанскаго научнаго движенія на Западѣ, и приходилось зорко слѣдить за всѣмъ, что совершалось въ его наукѣ и быть твердымъ охранителемъ церковной истины. Интересовъ научныхъ покойный никогда не прерывалъ и въ послѣднее время, насколько намъ извѣстно, онъ не одинъ разъ высказывалъ желаніе пересмотра и дополненія прежнихъ своихъ ученыхъ работъ.

Трудно, неизмѣримо трудно изучать Евангеліе, но далеко еще труднѣе жить по Евангелію; а между тѣмъ только слово, перешедшее въ дѣло,—слово приведенное въ исполненіе, можетъ имѣть полную силу и дѣйственность. Да простить намъ твоя всегдашняя неизмѣнная скромность, приснопамятный Стефанъ Михайловичъ, если мы скажемъ, что ты не только углублялся своею мыслию въ Писанія, не только научно изучалъ и изслѣдовалъ ихъ, но и жилъ и дѣйствовалъ по Евангелію, воспиталъ себя въ духѣ

Евангельскомъ. Кому не извѣстно твое любвеобильное сердце,—твоя неизмѣнная доброта, ласковость, обходительность со всѣми,—твое искреннее участіе въ чужомъ горѣ и радости,—твое снисхожденіе и всепрощающая христіанская любовь? Ты жилъ и мыслилъ такъ, что могъ всегда сказать: *аще кого чинѣ обидѣхъ возвращу четверницею* (Лук. 19, 8). Широка, въ высшей степени сложна и многосторонняя была твоя дѣятельность, и при всемъ томъ ничего ты такъ не любилъ, какъ въ простомъ приходскомъ храмѣ, среди торжественной тишины и безмолвія, въ священномъ сумракѣ мерцающихъ церковныхъ лампадъ, изливать душу свою предъ Богомъ, и здѣсь находить отраду, успокоеніе и подкрѣпленіе своихъ всегда напряженныхъ силъ.—Въ послѣдніе годы ты оставилъ, по состоянію своего здоровья, нашу высшую богословскую школу, но духовной связи, духовнаго единенія съ нею никогда не прерывалъ и всегда близко принималъ къ сердцу ея внутреннюю жизнь. Самъ ты не одинъ разъ говорилъ, что въ нашей высшей богословской школѣ, въ служеніи которой провелъ столько лѣтъ, ты отдыхаешь и освѣжаешься душою. Смѣло можно сказать, что академическая лѣтопись не знаетъ случая, когда бы почившій возбудилъ чье-либо недовольство противъ себя: такъ онъ былъ добръ и снисходителенъ къ чужимъ немощамъ и слабостямъ, такъ умѣренъ и остороженъ въ своемъ словѣ, такъ всегда умѣлъ владѣть собою.

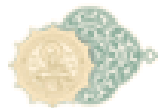
Старая духовная школа,—какихъ видныхъ дѣятелей, людей цѣлостнаго христіанскаго духа и настроенія создавала ты!

У твоего гроба, приснопамятный Стефанъ Михайловичъ, можно находить отвѣтъ на тотъ вопросъ, который всѣмъ намъ одинаково близокъ, всѣхъ зани-

маеть и волнуеть, и на который многіе въ наше время никакъ не могутъ найти истиннаго отвѣта. Да, ты былъ истинно счастливъ,—счастливъ, насколько, конечно, возможно счастье въ земныхъ условіяхъ нашего бытія. И это счастье ты обрѣлъ, какъ драгоценную жемчужину, въ своей крѣпкой вѣрѣ въ Бога, въ своемъ постоянномъ, самоотверженномъ, никогда почти не прерывавшемся христіанскомъ трудѣ,—честномъ служеніи началамъ истины, правды и добра; ты былъ для насъ, такъ сказать, воплощеною дѣятельностью, духовною неустанною энергіею. Билось твое сердце всегдашнею, неизмѣнною любовью къ человѣку, безконечнымъ уваженіемъ къ личности человѣка, искреннимъ желаніемъ принести всѣмъ добро. Билось это золотое, любящее сердце,—билось и затихло: слишкомъ часты были его удары при этой кипучей, широкой и многосторонней полезной дѣятельности, и только теперь нашъ неизмѣнный труженикъ обрѣлъ всѣмъ Богомъ опредѣленную благословенную субботу.

Дорогой всѣмъ намъ, Стефанъ Михайловичъ! Молитвенное напутствіе тебѣ на новый путь вѣчности отъ родной духовной школы, воспитавшей тебя и впервые вложившей въ твою душу сѣмена истины и добра! Непрестанная память и неустанная молитва о тебѣ нашей alma mater—Академіи, въ ревностномъ служеніи которой ты провелъ столько лѣтъ! Молитвенное напутствіе тебѣ отъ всей широкой земли Волынской, съ гордостью взиравшей на своего достойнѣйшаго сына!..

Сходятъ въ могилу люди крѣпкой вѣры, великаго труда, духа и силы и рѣдѣютъ среди насъ ихъ ряды! Кто ихъ намъ замѣнитъ?.. Кто вознаградитъ намъ тяжелую ихъ утрату?.. А жизнь всегда такъ

требуетъ, такъ настоятельно требуетъ этихъ добрыхъ, честныхъ, неустомимыхъ, самоотверженныхъ, тружениковъ!.. Да послетъ намъ Господь ту же крѣпость духовную, ту же твердость, то же единство и цѣлостность христіанскаго духа, которыми они владѣли!

Честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его!
